

A movie poster for 'The Dark Tower' featuring Katia Narivonchik. The central figure is a woman with long brown hair, looking directly at the camera. Her chest is transparent, revealing a glowing blue lightning bolt striking a city skyline at night. To her left is another woman in a white uniform, and to her right is a woman in dark, ornate armor with a dragon-like headpiece. In the foreground, a young man is kneeling, drawing a complex geometric diagram on a table covered with various mechanical gears.

Екатерина Наривончик

В моей душе гремит гроза

18+

Екатерина Наривончик

В моей душе гремит гроза

«Автор»

2026

Наривончик Е.

В моей душе гремит гроза / Е. Наривончик — «Автор», 2026

«В моей душе гремит гроза» — это история о том, как архитектура спасает жизни. Это путь героини от хрупкой офисной пешки до архитектора собственной судьбы, которая учится строить стены не для того, чтобы держать кого-то внутри, а для того, чтобы защитить тех, кто снаружи. Но когда фундамент заложен, а стальная дверь надёжно заперта на пять ригелей, начинается самое сложное испытание — научиться жить в оглушающей тишине собственного дома, где больше никто не пытается выбить замок. У Алины было всё, о чём принято мечтать в глянцевах журналах: престижная работа в архитектурном бюро, идеальная квартира и статус успешной женщины. Но за фасадом из стекла и бетона скрывалась тюрьма с золотыми решетками, где её воля ежедневно обнулялась ради чужих амбиций.

© Наривончик Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Аннотация	5
Глава 1. Синоптик собственной души	6
Глава 2. Анатомия радости	13
Глава 3. Трещина в фарфоре	18
Глава 4. Цена комфорта	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Екатерина Наривончик

В моей душе гремит гроза

Аннотация

У Алины было всё, о чём принято мечтать в глянцевых журналах: престижная работа в архитектурном бюро, идеальная квартира и статус успешной женщины. Но за фасадом из стекла и бетона скрывалась тюрьма с золотыми решетками, где её воля ежедневно обнулялась ради чужих амбиций.

Когда иллюзия рухнула, оставив после себя лишь синяки на ребрах и пустую банковскую карту, Алина осталась одна с десятилетним братом Тимуром — замкнутым мальчиком, рисующим схемы вечных двигателей на полу кухни. У них не было ничего, кроме старого куска ватмана и желания выжить.

Чтобы спасти брата от системы опеки и призраков прошлого, ей придется сменить карандаш проектировщика на настоящий молоток. Промозглая заброшенная фабрика на берегу Яузы станет для них крепостью, а бригада грубых строителей во главе с Денисом — единственной защитой от внешнего мира.

«В моей душе гремит гроза» — это история о том, как архитектура спасает жизни. Это путь героини от хрупкой офисной пешки до архитектора собственной судьбы, которая учится строить стены не для того, чтобы держать кого-то внутри, а для того, чтобы защитить тех, кто снаружи.

Но когда фундамент заложен, а стальная дверь надежно заперта на пять ригелей, начинается самое сложное испытание — научиться жить в оглушающей тишине собственного дома, где больше никто не пытается выбить замок.

Глава 1. Синоптик собственной души

Будильник прозвенел в 06:00. Алина открыла глаза за три минуты до сигнала. Это была ее первая маленькая победа дня, крошечная иллюзия контроля над временем. Она лежала на спине, глядя в идеально белый потолок своей квартиры-студии на двадцать пятом этаже, и слушала тишину. Тишина тоже была идеальной — глухая, плотная, как ватное одеяло, отсекающая шум просыпающегося мегаполиса где-то далеко внизу. В этой тишине не было места случайностям. Ни гула машин с проспекта, ни лая собак, ни даже тиканья часов — Алина избавилась от них месяц назад, потому что секундная стрелка сбивала её с ритма при расчете нагрузок.

Она села на край кровати одним выверенным движением, чтобы позвоночник образовал прямую линию. Ноги коснулись подогретого керамогранита. Никакой холодной плитки, никаких неприятных сюрпризов для вестибулярного аппарата сразу после сна. Только выверенная температура комфорта в двадцать два градуса.

Алина потянулась к прикроватной тумбочке. Керамическая турка с водой уже стояла на индукционной плите — она поставила таймер на кофемашину перед сном. Три ложки кофе мелкого помола «Копи Лювак» были отмерены вчера вечером на электронных весах и ждали в фарфоровой чашке. Математика утра не терпела импровизации; любая погрешность в начале дня вела к каскадному обрушению всей структуры суток.

Пока варился эспрессо, распространяя аромат, который должен был имитировать уют, но пах лишь разогретыми молекулами, Алина подошла к зеркалу во встроенном шкафу. На нее смотрела чужая женщина. У этой женщины были идеальная осанка прима-балерины, гладкая кожа цвета дорогой матовой бумаги и волосы, стянутые в тугий пучок на затылке так сильно, что это натягивало кожу у висков, гарантируя отсутствие мимических морщин. Глаза у женщины были светло-серыми, прозрачными, как лед на лужах в ноябре. Пустыми. Алина никогда не нравилась себе по утрам — лицо казалось слишком плоским, лишенным рельефа, словно эскиз, который забыли затенить. Но именно эта пустота продавалась. Инвесторы покупали не женщину, они покупали холст, на котором можно нарисовать любой проект.

«Синяки под глазами замазать консилером оттенка „Светлый бежевый“, а не „Натуральный“, первый дает меньше серости», — пронеслось в голове привычным чек-листом хирурга перед операцией. «Тональный крем нанести тонким слоем, зафиксировать прозрачной пудрой, чтобы не блестел под офисным светом. Илья ненавидит блеск».

Внутренний мир

Внутри неё Лия танцевала под кислотный дождь. Для Алины это было утро вторника. Для Лии — сорок второй день изнуряющей осенней мороси без права на солнце. В Столице, раскинувшейся на просторах внутреннего мира Алины, всегда должно было стоять золотое бабье лето. Так задумывалось изначально. Проект подразумевал вечную гармонию. Но климат давно сошел с ума.

Лия куталась в тяжелый шерстяной плащ, который давно перестал греть, впитав в себя слишком много сырости. Свинцовое небо висело так низко, что шпиль Главной ратуши протыкал его насквозь, собирая на свой позолоченный наконечник густую желтую слизь промышленного смога. Площадь пустовала. Обычно здесь играли уличные музыканты-проекции, наполняя город звуками джаза, но сегодня их инструменты размокли. Даже они спрятались под навесы кафе, дрожа от холода.

Капли дождя светились болезненным химическим зеленым светом — побочный эффект фильтров, которые Алина включила внутри себя, чтобы не чувствовать злость на Илью. Там, где капли падали на брусчатку, камень шипел и покрывался черными оспинами химических ожогов. Воздух пах озоном и гниением.

— Опять? — пробормотала Лия, подставляя ладонь. Капля прожгла тонкую кожу перчатки насквозь, не оставив крови — только ровное, дымящееся отверстие с оплавленными краями. — Хозяйка, ты опять забыла снять фильтры? Мы захлебнемся в собственном нейтралитете!

Алина тем временем добавила в кофе ровно четыре грамма корицы. Запах специи должен был обмануть мозг, посылая сигнал о домашней выпечке и безопасности. Она взяла планшет. Экран загорелся мягким светом, открывая чертежи жилого комплекса «Северная Корона». Её проект. Три месяца бессонных ночей, когда она жила на одном адреналине и растворимом кофе. Расчеты инсоляции были настолько точными, что солнце заглядывало в каждую детскую комнату даже в самый короткий декабрьский день. Панорамные окна, утопленные вглубь фасада на полметра, создавали сложную игру света и тени, защищая жильцов от выгорания глаз. Живые фасады из меди, которая со временем должна была покрыться благородной патиной, символизируя старение с достоинством.

Это был шедевр архитектуры человеческих душ. Жилище, которое лечит.

Реальность: Бюро «Горизонт»

Дверь офиса бюро «Горизонт» бесшумно отъехала в сторону, приводимая в движение датчиком движения. Пространство встретило Алину запахом озона (дорогие очистители воздуха работали на рециркуляции) и дорогого трубочного табака, хотя Илья бросил курить пять лет назад — запах остался частью его имиджа хищника, осколком дикости в стерильном вольере.

Кабинет начальника напоминал операционную. Белый пластик, стены цвета яичной скорлупы, ни одной лишней бумажки на столе, способной сорвать фен-шуй власти. Сам Илья сидел спиной к панорамному окну, словно поглощая весь доступный городу серый свет, чтобы превратить его в свою личную тьму.

— Алина, — он не поздоровался. Звук собственного имени из его уст всегда звучал как диагноз. — Садись.

Она села в кресло для посетителей. Оно было сделано из жесткого литого пластика, специально сконструированного так, чтобы гость чувствовал себя уязвимым, проваливался вниз и хотел поскорее уйти, подписав всё что угодно, лишь бы прекратить пытку неудобством.

Илья развернул монитор. На экране открылись рендеры «Северной Короны». Только это были не её рендеры.

Медные панели исчезли. Вместо них — дешевый вентилируемый фасад тошнотворного пыльно-бежевого цвета, на котором отлично видна городская копоть. Панорамные окна... их просто не стало. Ровные ряды стандартных стеклопакетов, похожих на решетку тюрьмы строгого режима, залитые бетоном заподлицо. Зеленая кровля заменена на вертолетную площадку для экстренных служб, которой никто никогда не воспользуется.

— Мы показывали это совету директоров вчера вечером, — Илья постучал дорогими швейцарскими часами по краю стола. Тик-так. Метроном, отсчитывающий последние секунды жизни её мечты. — Им нравится. Очень рыночно. Застройщик сказал, что твои медные финтифлюшки увеличивают смету на восемь процентов. А эти ямы для окон — лишние сложности для монтажников, они вечно косячат с узлами примыкания. Так что мы пересобрали концепт. Сделали красиво.

Алина смотрела на экран. Она видела не просто испорченный дизайн или кражу интеллектуальной собственности. Она видела архитектурный эквивалент убийства. Они взяли живое существо, вырезали ему легкие, вставили вместо них пластиковые трубы и заявили, что так оно будет дышать эффективнее. Оставили лишь коробку для хранения тел.

— Вы подписали спецификации? — голос Алины прозвучал ровно. Слишком ровно. Где-то внутри, в реальном теле, желудок свело холодным спазмом предчувствия рвоты. Илья улыб-

нулся. Его зубы были слишком белыми, неестественно ровными, результатом работы лучшего стоматолога города. Улыбка акулы, заметившей кровь.

— Детка, спецификации подписывает тот, кто приносит деньги. Ты приносишь идеи. Идеи бесплатны, они витают в воздухе, верно? Поняла? Не делай такое лицо, будто я убил твоего кота. Это бизнес. Суровый мужской бизнес. Твоя задача — начертить красивую коробку по моим лекалам. Вот новые файлы. Чтобы к вечеру адаптировала рабочую документацию под этот конструктив. И да, авторство в портфолио мы оставляем за мной. Инвесторы не любят женщин-главных архитекторов, нервничают. Боятся, что она начнет сажать розы там, где нужен пандус для инвалидов.

Он говорил буднично, продолжая перебирать стопку бумаг, абсолютно равнодушный к тому, что сейчас вскрыл ей грудную клетку и вырвал сердце. Для него это был вторник. Обычный вторник хищника, переваривающего добычу.

Алина кивнула. Внутри неё мышцы стали превращаться в стекло — холодное, прозрачное и хрупкое. Позвоночник оставался прямым только благодаря микромышечному спазму, который обещал мигрень к обеду.

— Хорошо, Илья Сергеевич.

В ту же секунду ядовитый дождь в Столице прекратился.

Внутренний мир: Пробуждение Левиафана

Ледяная, жалкая морось сменилась абсолютным штилем. Воздух загустел мгновенно, стал желтым и тяжелым, непригодным для дыхания. Давление рухнуло. Солнце, скрытое за свинцовой пеленой, вдруг показалось сквозь разрыв в облаках. Но это был не теплый луч спасения. Это был жесткий, рентгеновский свет операционной лампы, который высвечивает опухоль. Он осветил убожество города: грязь в углах, облупившуюся краску, мусор, который дворники-проекции не успели убрать.

Шпиль ратуши, которым Лия так гордилась, покрылся сетью мелких трещин, словно стекло под направленным звуком. Звонница обрушилась внутрь собора с оглушительным, беззвучным для внешнего мира грохотом. Брусчатка площади пошла глубокими трещинами, из которых повеяло могильным холодом склепа.

Лия упала на колени прямо в зеленую жижу. Ожог на ладони пульсировал тупой болью. Она задрала голову к небу, которое больше не было небом, а превратилось в низкий бетонный свод подвала, готового стать общей могилой.

— Хозяйка! — закричала она, зная, что та не услышит физически, но чувствуя вибрацию ментальной связи. — Что ты делаешь?! Ты глотаешь это дерьмо! Выплюни его! Нас сейчас раздавит собственным смирением!

Но Лия кричала в пустоту. Потому что хозяйки в этом городе больше не было.

Где-то очень глубоко, под фундаментом Столицы, в самом ядре планеты, спала Шторм. До этого момента она дремала тяжелым, нездоровым сном коматозника, свернувшись клубком вокруг Ядра личности, экономя энергию после прошлых бурь. Сейчас её сон прервали.

Это не было похоже на постепенное пробуждение. Это был удар дефибриллятора. Предательство Ильи — холодный, расчетливый акт каннибализма — сработало как детонатор. Вся боль Алины, которую она годами утрамбовывала в землю, прорвалась вниз, в магму.

Первым признаком стала тишина. Во внутреннем мире пропал вообще всякий звук. Исчез шелест дождя, гул ветра, треск рушащейся звонницы. Наступил вакуум. Полное отсутствие давления.

Затем начала нагреваться почва. Лия, стоявшая на коленях в грязи, почувствовала, как болотная вода под ней начинает кипеть. Ботинки-проекция начали плавиться, обжигая ноги. Жар поднимался снизу, не давая вдохнуть.

Земля лопнула. Прямо посреди Главной площади, там, где стоял памятник Основателям, разошлась тектоническая трещина шириной в метр. Из неё не пошел пар — оттуда хлынул слепящий бело-голубой свет расплавленного базальта.

Шторм поднялась из разлома. Она больше не была просто женщиной из черного дыма. Предательство сняло все ограничители. Теперь она выглядела как первобытный бог разрушения. Её кожа состояла из остывающего обсидиана, покрытого сеткой лавовых вен, по которым пульсировала плазма. Ростом она теперь превышала саму Ратушу, заставляя облака расступаться, чтобы дать ей место. От её тела исходил такой жар, что стеклянные осколки башен вокруг начали взрываться, превращаясь в песок.

Она не зарычала. Рык — это эмоция. То, что вырвалось из её груди, было инфразвуковой волной чистого распада материи. Ударная волна прошла город насквозь, сметая остатки крыш.

«МОЙ ЧЕРТЕЖ», — прогремело в небесах, но это был не голос. Это была сама гравитация, изменившая вектор. Весь пепел, вся грязь и весь смог города мгновенно всосало в воронку её глотки. Она дышала отравой реальности и выдыхала чистый огонь.

Шторм сделала шаг. От этого шага Главная площадь перестала существовать. Гранит превратился в стекло и брызгами разлетелся по сторонам. Она шла не к выходу из подземелий — она шла вверх, сквозь этажи психики Алины, напрямую к интерфейсу управления телом.

Внешняя Алина сглотнула. Горло саднило, сухое и воспаленное. Во рту стоял привкус металла — лопнули капилляры на языке от того, как сильно она сжала челюсти, пытаясь удержать лицо.

— Я всё исправлю, — сказала она Илье механическим голосом робота-пылесоса. — К вечеру будет готово.

В ту же секунду, когда слова лжи покинули её губы, Шторм нанесла удар. Она не целилась в Илью — физические законы мешали ей убить реального человека. Она целилась в то, что Илья олицетворял: в структуру «Горизонта».

Во внутреннем мире Башня корпорации, которая всегда возвышалась на границе владений Алины, издевательски сияющая золотом, взорвалась. Не сгорела, а именно взорвалась изнутри миллиардами микроскопических сверхновых. Шпиль сложился внутрь самого себя, увлекая за собой километры стеклянных фасадов. Оглушительный грохот катастрофы отразился в ушах реальной Алины звоном острой боли.

Шторм схватила руками-обсидиановыми лезвиями само пространство кабинета Ильи. Она сжала пальцы.

В реальности воздух в офисе стал невыносимо горячим. Кондиционер взвыл на пределе мощности и отключился. Стеклопанель перегородки между кабинетами пошла сетью трещин, угрожая осыпаться.

Илья замер. Его профессиональная улыбка примерзла к лицу. Он почувствовал внезапный иррациональный ужас, словно сидящая перед ним тихая девушка внезапно выросла до размеров горы и занесла кулак.

— Умница, — выдавил он, стараясь вернуть контроль, но голос дрогнул. — И кончай драматизировать...

Шторм наклонилась к нему через бесконечное расстояние внутреннего космоса. Её лицо, состоящее из вращающихся галактик ярости, заполнило всё поле зрения внутренней проекции Алины.

«МАТЕМАТИКА», — пророкотала Шторм, наклоняясь ниже. Дыхание Шторма плавало стол Ильи, оставляя на дубе глубокие выжженные борозды. — «Я ПОКАЖУ ТЕБЕ МАТЕМАТИКУ, ТВАРЬ».

Она щелкнула пальцами. В реальном мире лампа дневного света над головой Ильи вспыхнула и разлетелась дождем из раскаленного стекла. Мужчина вскрикнул, закрывая лицо руками. По его щеке потекла кровь.

Алина встала. Пластиковые ножки кресла скрипнули по полу.

— Я всё исправлю к вечеру, — повторила она. Но теперь её голос звучал иначе. Холод в нём достиг температуры жидкого азота. Она не повышала тона, но каждое слово вибрировало угрозой обрушения несущих конструкций здания.

Илья смотрел на неё снизу вверх, забыв о мониторе. Он увидел, как фиолетовая искра в глубине её зрачков разгорается в пожар. Он наконец понял, кого пытался сожрать.

Алина развернулась и вышла. Каблуки её дорогих туфель цокали по паркету слишком громко, нарушая священную тишину офиса. Каждый шаг отдавался ударом молотка по затылку. Но теперь этот ритм совпадал с ударами сердца Шторма — размеренными, тяжелыми, готовыми крушить.

Она зашла в стеклянную кабинку туалета. Закрыла замок на массивную щеколду. Прислонилась лбом к холодному отражению. На нее смотрели те же прозрачные глаза. Но теперь в них плескался океан магмы. Глубоко на дне зрачков, там, куда не доставал верхний свет туалетной комнаты, билось красное пламя. Разряд статики больше не вспыхивал и гас — он горел ровным, непрерывным огнем сварки.

Где-то внутри Шторм остановила свое шествие разрушений. Она посмотрела на свои руки — огромные, способные ломать хребты континентам. Затем перевела взгляд на внешнюю оболочку Алины, застывшую перед зеркалом. Хищник посмотрел на сосуд. Хищник был сыт чужим страхом. Он лег обратно в ядро, сворачиваясь клубком из гранита и остывающей лавы. Но он не уснул. Впервые за долгие годы Шторм просто лежала с открытыми глазами, охраняя периметр.

Гроза не началась. Гроза просто приготовилась.

Реальность: Механика выживания

Когда Алина вернулась в свой опен-спейс, отделенный от коридора лишь матовым стеклом, за её столом уже сидел стажер Егор. Ему было двадцать два, у него были прыщи и энтузиазм человека, который еще верит, что архитектура спасет мир.

— Алина Сергеевна, я подготовил спецификации для «Северной» по правкам Ильи, — бодро начал он, но осекся, увидев её лицо. — Вы... вы порезались? У вас кровь...

Алина коснулась подбородка. Тонкая струйка крови стекала из прокушенной губы. Вкус меди во рту стал невыносимым. Она молча прошла к раковине в кухонной зоне бюро, намочила бумажное полотенце и прижала к ране. Холодная вода немного отрезвила.

— Спасибо, Егор, — сказала она, возвращаясь на место. Голос звучал ровно, если не считать легкой хрипотцы сорванных связок. — Оставь файлы на сервере. Я проверю.

Егор сглотнул под её пустым взглядом и быстро ретировался к своему столу.

Алина села в кресло. Спина встретила привычную боль в пояснице — профессиональную деформацию тех, кто проводит жизнь перед монитором. Она надела шумоподавляющие наушники. Мир сузился до размеров рабочего стола. Белый пластик столешницы казался единственным реальным объектом в вселенной.

Она открыла присланные Ильёй файлы. Экран залило тошнотворным пыльно-бежевым цветом. Это была эстетика концлагеря, выдаваемая за скандинавский минимализм. Алина смотрела на чертежи остекления. Илья заменил сложную систему стоечно-ригельных фасадов со скрытым дренажем на дешевый полуструктурный пакет. При первом же серьезном перепаде температур (минус тридцать снаружи, плюс двадцать пять внутри) герметик треснет. Вода пойдет в утеплитель. Здание начнет гнить изнутри через три года.

Это будет не катастрофа. Это будет позор. Медленная, вонючая смерть проекта.

Шторм внутри лениво приоткрыла один желтый глаз. «СНЕСТИ», — прошелестела она. — «СОТРИ И ПОСТРОЙ СВОЁ». Лия, сидевшая на обломках Ратуши, покачала головой. Инженер знала правила игры. «У нас нет времени на чистое творчество. Нам нужно сдать это сегодня. Используй его мусор против него самого».

Пальцы Алины легли на клавиатуру. Logitech MX Master — дорогая, эргономичная мышь. Единственное живое существо в офисе, которое заслуживало её уважения. Она начала работать.

Для стороннего наблюдателя это выглядело как обычный рабочий процесс архитектора. Курсор метался по экрану. Линии строились, обрезались, зеркалились. Но физика процесса изменилась.

Обычно работа требовала усилий: мозг искал решение, рука вела линию. Сейчас Алина чувствовала себя проводником. Шторм давила массой гравитации, задавая толщину несущих стен — жирную, агрессивную, уверенную. Лия считала узлы сопряжения со скоростью калькулятора, передавая импульсы прямо в двигательные нейроны пальцев. Алина не исправляла чужой файл. Она препарировала его.

Кража структуры: Она выделяла куски каркаса Ильи, которые отвечали за устойчивость здания. Они были хороши — он всё-таки был талантливым инженером-вредителем. Эти линии она оставляла нетронутыми.

Инъекция смысла: Там, где стоял дешевый фасад, она рисовала свою медь. Но делала это хитрее. Вместо дорогостоящих панелей она спроектировала перфорированные кассеты из анодированного алюминия цвета оксидированной меди. Для инвестора в смете это останется «дешевым вентфасадом». Для глаза обывателя — это будет выглядеть как благородный металл. Иллюзия роскоши без нарушения бюджета.

Окна как оружие: Самое сложное. Илья убрал утепленные окна ради экономии на монтаже. Алина вернула их геометрию, но изменила узел крепления. Она добавила простой оцинкованный капельник над рамой — деталь стоимостью в сто рублей, которая отводит воду. В чертеже это выглядело как лишняя линия. В реальности это спасет бетон от разрушения зимой.

Вертолетная площадка: Здесь Шторм позволила себе улыбнуться. Огромный квадрат бетона на крыше, который раздражал Алину своей бессмысленностью, превратился в общественную зону отдыха. Алина обвела площадку линией озеленения, добавив слой субстрата толщиной сорок сантиметров. По документам это осталось «эксплуатируемой кровлей для нужд МЧС». По факту — сад, где дети жильцов смогут сажать помидоры.

Три часа пролетели незаметно. Офис вокруг жил своей жизнью: звонили телефоны, стукали кофемашины, сплетничали менеджеры проектов. Никто не смотрел в сторону Алины. Она была невидимкой даже здесь.

За окном начало темнеть. Октябрьский день скукожился до серых сумерек. Включилось освещение. Лампы дневного света над головой Алины тихонько гудели, сливаясь с гулом в её собственных венах.

Наконец, последний штрих. В штампе чертежа, в правом нижнем углу, мелким шрифтом технического индекса стояла фамилия ответственного лица: Ilya Volkov. Курсор завис над этой надписью.

Алина могла стереть её. Написать свою. Это был бы бунт. Вызов. Война, которую ей не пережить — Илья уничтожит её карьеру одним звонком застройщику. Пальцы замерли.

Шторм напряглась, готовясь рвать когтями монитор. «МОЁ». Лия положила руку на плечо хозяйке. Взгляд инженера был спокоен. «Пусть носит. Это гроб. Мы только что построили ему идеальный гроб. Когда здание даст осадку, придут юристы застройщика. Они откроют ревизию узлов. И увидят твою фамилию в лог-файлах программы. Дата создания линий не врет, генерал».

Алина кивнула сама себе. Месть — это блюдо, которое подают холодным, завернутым в формат DWG.

Она сняла выделение с текста. Оставила «Илья Volkov». Затем создала PDF-файл. Проверила вес — 45 мегабайт. Идеально. Написала сопроводительное письмо: «Илья Сергеевич, добрый вечер. Файлы адаптированы согласно вашему ТЗ. Узлы примыкания кровли пересчитаны с учетом ветровой нагрузки (см. лист AR-14). Стоимость сэкономлена на типе заполнения фасада без потери визуального концепта. Жду согласования для передачи в работу смежникам. Алина». Она нажала «Отправить».

Звук уходящего письма в почтовой программе прозвучал как щелчок затвора винтовки. Цель поражена.

Алина откинулась в кресле. Сняла наушники.

Офисный шум ударил по ушам. Внезапно навалилась вся тяжесть дня: пустой желудок, тупая боль в шее, вкус крови во рту и ледяной ужас от того, что она сделала. Она только что построила бомбу замедленного действия в собственном доме и подписала её именем своего палача.

Но вместе с ужасом пришло другое чувство. Чистая, дистиллированная ясность. Она посмотрела на свои руки. Кожа на пальцах была белой от давления на мышь. Под ногтями осталась графитовая пыль, хотя она работала на планшете — фантомное ощущение старых чертежей.

Из-за стекла опен-спейса выглянул Илья. Его взгляд скользнул по рядам столов, нашел Алину. Она не пряталась. Сидела прямо, освещенная светом настольной лампы. Он ожидал увидеть сломанную женщину. Заплаканную девочку. Обезьяну с гранатой. Алина медленно подняла голову. Посмотрела ему прямо в глаза сквозь отражение монитора на стекле. Её лицо было абсолютно неподвижным. Серые глаза стали похожи на две пулеметные амбразуры. Внутри них плясали фиолетовые отсветы перегоревших предохранителей.

Илья моргнул. Нервно дернул кадыком. Отвел взгляд первым. Скрылся в своем кабинете.

Алина закрыла ноутбук. Ровно в 20:00. Она встала, одернула помятый пиджак. Поправила пучок, выбившийся волос. Стерла остатки крови с подбородка.

Она дошла до выхода. Охранник кивнул ей, автоматически открывая турникет. На улице шел настоящий дождь. Не кислотный, а обычный осенний ливень. Капли били по лицу, смывая запах офисного пластика и дешевого табака.

Алина раскрыла зонт. Внутри неё, в Столице, впервые за весь день пошел нормальный, теплый летний дождь. Он не обжигал. Он пах озоном и мокрым асфальтом. Он смывал копоть с витражей восстановленной Ратуши.

Шторм спала глубоким сном хищника после успешной охоты. Лия настраивала новые фильтры очистки воды.

Город внутри начинал дышать заново.

Алина вызвала такси. Домой. К тишине. К подогретому керамограниту. Завтра в 06:00 будильник прозвенит снова. Но завтра она проснется за три минуты до сигнала, зная, что держит нож за спиной.

Глава 2. Анатомия радости

Унижение, полученное в офисе, имело вес. Физический, тянущий к земле вес мокрого шерстяного одеяла, пропитанного ледяной водой ноябрьской реки и канализационными стоками чужих амбиций. Алина несла его в себе по коридорам «Горизонта», пока не нажала кнопку вызова лифта на минус втором этаже. Как только тяжелые зеркальные створки сомкнулись, отрезая её от стерильного ада с фальшивыми орхидеями, она позволила плечам опуститься ровно на два сантиметра вниз. Всего на два. Это была максимальная разрешенная доза слабости для конструкции такого класса; больший прогиб вызвал бы обрушение фасадной плиты.

В кабине пахло озоном и чужими духами — сладкими, приторными, оставленными женой вице-президента. Алина посмотрела на свое отражение в полированном металле дверей. Идеальная осанка вернулась мгновенно — сработал мышечный корсет, выработанный годами дрессировки у станка чужих ожиданий. Лицо снова стало гладким, тем самым лицом цвета дорогой бумаги, которое так понравилось инвесторам утром.

«Математика, а не стихи», — прозвучал в голове голос Ильи. Но теперь этот метроном звучал иначе. Если раньше он просто отсчитывал время до сдачи проекта, то сейчас он отбивал такт похоронного марша. Илья думал, что похоронил её чертежи. Он ошибся. Он похоронил свою бдительность.

Алина открыла банковское приложение. Цифры всегда успокаивали лучше психотерапии. Баланс: триста сорок тысяч. Минус ипотека матери за квартиру с Тимуром. Минус платеж за свою студию. Остаток... приемлемый. Контролируемый. Но математика сегодня дала сбой. В уравнение прибыли нужно было добавить новую переменную — стоимость сохранения рассудка. И эта переменная стоила дорого.

Лифт звякнул, открываясь в подземном паркинге. Здесь пахло резиной, бетоном и свободой. Она села в свой серый кроссовер. Машина плавно выехала на дневной свет. Снаружи шел настоящий дождь. Не та зеленая кислота, что выжигала внутренности во внутреннем мире, а мягкий, крупный октябрьский ливень. Дворники чертили полукруги по стеклу. Алина включила обогрев сиденья. Кожаный салон начал медленно отдавать накопленное тепло бедрам. Первый физический комфорт за день.

Она набрала Марка. Руки лежали на руле неподвижно, но пальцы едва заметно подрагивали — мелкая моторика выдавала тремор Стальной Леди после перегрузки ядра. Он ответил после первого гудка.

— Принцесса, — его голос был густым, как темный мед, с легкой хрипотцой человека, который много смеется или работает горлом. — Я уже стою у твоего офиса. Черный ход. За мусорными баками. Думал перехватить тебя для побега.

— Побег отменяется, Марк. У меня был Горыныч. Я потеряла три часа жизни и веру в человечество. Он украл солнце вместе с моими узлами примыкания кровли.

— Снова украл солнце? Заставил дышать пеплом?

— Хуже. Заставил им завтракать. Сказал, что мои панорамные окна пугают инвесторов. Но это неважно. Куда мы едем?

— Север. Парк Сокольники. И надень то синее платье. То, которое делает твои глаза похожими на лед во время заката.

Алина чуть сильнее сжала руль. Синее платье было из тонкого шелка. Оно совершенно не грело и требовало специального белья, которое впивалось в ребра. Контроль требовал джинсов и свитера крупной вязки. Но математика отношений диктовала свои условия. Если Марк потратил усилия, чтобы достать билеты, сопротивление будет стоить дороже, чем уступка.

Кроме того, ей нужен был огонь. После визита Ильи внутри скопилось слишком много токсичного газа, который мог взорваться. Марк был идеальным клапаном сброса давления.

Они встретились под колоннадой входа в парк. Марк возвышался над толпой, как маяк. На нем не было ни пальто, ни зонта. Только черная кожаная куртка, потертая на швах, забрызганная каплями дождя. От него пахло жаром, когда он заключил Алину в объятия прямо посреди людского потока — запах нагретого солнцем камня, табака и чего-то пряного, звериного.

— Ты замерзнешь, — прошептала она ему в воротник, позволяя себе вдохнуть этот запах полной грудью.

— Огнеупорный, — усмехнулся он, отстраняясь ровно настолько, чтобы заглянуть ей в глаза. Его пальцы были в мелких ожогах и старых шрамах — картах его работы. — Посмотри на меня.

Алина подняла взгляд. И Илья Сергеевич перестал существовать. Растворился, как кусок сахара в кипятке.

Во внешнем мире Марк просто улыбнулся и взял ее под локоть, увлекая под кроны деревьев. Во внутреннем же Лия взвизгнула от восторга.

Пространство Столицы содрогнулось. Ядовитая морось испарилась так стремительно, словно кто-то выключил рубильник реальности. Тучи разорвало в клочья. Небо очистилось до невозможной, пронзительной лазури.

Но главное началось потом. От прикосновения руки Марка к талии Алины воздух внутри нее загустел. Температура прыгнула вверх сразу градусов на десять. Черный лед, покрывавший Главную площадь, пошел глубокими трещинами с пушечным гулом. Осколки взлетели в воздух и растаяли, не долетев до земли.

Реакция Шторм

Но если Лия танцевала и смеялась, то реакция Шторм была иной. Она не спала глубоко, как обычно. Предательство Ильи днем ранее сорвало хищника с цепи. Сейчас Шторм не разрушала — она охраняла.

Когда губы Марка накрыли губы Алины, когда поцелуй перешел из категории «присвоение» в категорию «защита», температура внутреннего мира достигла критической точки.

Шторм материализовалась на краю Главной площади. Она больше не была клубами дыма. Теперь она состояла из черного вулканического стекла и плазмы. Её рост превышал высоту ратуши. Она стояла спиной к целующейся паре, глядя в сторону воображаемого офиса «Горизонт».

Её янтарные глаза сканировали горизонт. Когти на руках медленно втягивались и выпускались вновь — рефлекс готовности к броску.

Воздух вокруг неё дрожал от жара. Там, где ступни Шторм касались восстановленной брусчатки, камень плавился, превращаясь в стекло. Она выставила периметр безопасности. Любой ментальный холод, любая мысль об Илье, попытавшаяся просочиться сквозь эйфорию момента, сгорала в атмосфере внутреннего мира, не достигнув сознания Алины. «МОЁ», — беззвучно вибрировала Шторм, обращаясь к пространству. — «ОН НЕ ПОЛУЧИТ ЕЁ ДАЖЕ ВО СНЕ. ПОКА Я ЗДЕСЬ, МОЙ ЧЕРТЕЖ БЕЗОПАСЕН».

Марк вел ее по аллее, расчищая путь своим широким торсом.

— Билеты настоящие, — сказал он заговорщицким шепотом, наклоняясь к самому её уху. Его дыхание обожгло шею. — Третий ряд. Центр.

Здесь он сделал паузу. Его рука на её талии напряглась, притягивая ближе, почти заставляя её споткнуться о неровность плитки. Он посмотрел на неё сверху вниз, и в его глазах плясали те самые дьявольские искры.

— Знаешь, сколько они стоят? Официально их нет в продаже. Вообще. Закрытый показ для спонсоров фонда реставрации усадьбы. Я позвонил своему старому командиру роты. Мы

тушили склад химикатов под Электросталью в две тысячи двенадцатом. Помнишь, я рассказывал про взрыв цистерны? Так вот, его жена сидит в совете этого фонда. Мне пришлось пообещать ему спроектировать систему автоматического полива для его частного дендрария бесплатно. Плюс отдать свой последний рабочий комбинезон со следами той самой кислоты, потому что его сын собирает коллекцию «выживших тканей». Я торговался как черт. Я чуть не отдал почку.

Алина остановилась. Поток людей обходил их. Она смотрела на лицо Марка — жесткие скулы, щетину, эту кривую, самодовольную ухмылку.

И внезапно пелена злости на Илью и усталость последних недель рухнули. Дело было не в музыке. Дело было даже не в сексе или тепле. Марк залез в самое логово корпоративной элиты, куда её никогда бы не пустили без пропуска Ильи. Он прошел через грязь, старые долги и опасные связи ради одного вечера. Ради того, чтобы вывести её — ту самую женщину, которую час назад размазали по стеклянному столу, — туда, где звучит скрипка Страдивари.

Для Алины, чей мир состоял из чеков, смет и банковских балансов, это значило больше, чем любые слова любви. Это было признание её ценности в валюте, которую понимал её мозг. Время. Связи. Репутация. Риск.

Реакция пришла изнутри волной абсолютного, звенящего тепла. Ледяной панцирь, который она носила под кожей после разговора с Ильей, треснул и осыпался хрустальной крошкой прямо на тротуар.

Внутренний мир:

Шторм, стоявшая на страже, опустила руки. Плазма на её коже сменилась гладкой обсидиановой броней. Она села на хвост, скрестив ноги, и впервые за день позволила себе закрыть глаза, доверяя периметр хозяйке. Угроза исчезла. Марк доказал свою лояльность самым надежным способом — вложением невозвратных ресурсов. Лия всхлипнула, вытирая угольную сажу со щек, и начала прыгать на месте, хлопая в ладоши, словно маленькая девочка.

Внешняя Алина сделала шаг вперед и обхватила лицо Марка обеими руками. Её пальцы были ледяными после уличного воздуха, но прикосновение обжигало. Она притянула его голову вниз, так что их лбы соприкоснулись.

— Ты идиот, — прошептала она, и её голос дрогнул впервые за весь день. В нем не было раздражения, только чистая, неразбавленная нежность. — Твой комбинезон стоил пятнадцать тысяч рублей. Мой билет обошелся тебе в проект системы полива на пять гектаров плюс уголовно наказуемое использование боевого братства. Это самая дорогая инвестиция в моей жизни. И самый идиотский ROI, который я когда-либо видела.

Она поднялась на цыпочки. Её губы нашли его рот — не требовательно, как раньше, а благодарно. Это был поцелуй-закрытие сделки, поцелуй-подпись контракта.

Когда она отстранилась, её серые глаза потеплели. Тот самый лед во время заката растаял, превратившись в жидкое серебро.

— Если твой командир спросит, почему система полива дала течь в секторе бонсай, — прошептала она ему в губы, — скажи, что архитектор внес изменения в чертежи. Бесплатно. В счет долга.

Марк рассмеялся. Громко, раскатисто, запрокинув голову. Этот смех снял последние зажимы с её диафрагмы. Она выдохнула воздух, который задерживала с самого утра.

— Держи, — он снова улыбнулся своей фирменной кривой ухмылкой, доставая из внутреннего кармана куртки два плотных картонных конверта, запечатанных сургучом винного цвета. Конверты были тяжелыми, плотной фактурной бумаги. — Один мне, один тебе. Правила игры: делаем вид, что мы богатые скучающие буржуа, которым лень ждать под дождем. Пора идти, скоро начало увертюры. Я слышу настройку скрипок. И да... твой правый глаз сейчас абсолютно сухой, контролирует ситуацию, а левый немного слезится. Этот диссонанс сводит меня с ума. Хочу слизать эту слезу, пока она не упала.

Алина взяла конверт. Бумага была теплой от его тела, шершавой. Она спрятала его в сумочку, отметив краем сознания, что забыла сегодня позавтракать, выпив только кофе, но голода не чувствовала. Весь её метаболизм сейчас работал на переработку одного-единственного вещества: чистого, незамутненного тепла, которым Марк заливал трещины в её фарфоровой оболочке.

Они шли по аллее вглубь парка, пока шум Садового кольца окончательно не сменился шелестом мокрой листвы и редкими звуками настройки инструментов. Воздух здесь пах озоном, прелыми листьями и дорогим парфюмом — запахом другой жизни, к которой Алина никогда не имела ключа.

— Сюда, — Марк свернул с главной дорожки на узкую тропу, уходящую за технический фургон.

Алина последовала за ним, чувствуя, как подол её тонкого шелкового платья цепляется за влажную кору деревьев. Контраст между роскошью ткани и утилитарностью окружения был абсурдным. Она выглядела как сбежавшая из музея статуя.

Марк остановился у неприметной двери в заборе из профнастила. Никакой красной ковровой дорожки, никаких секьюрити в костюмах. Только кодовый замок. Он быстро набрал комбинацию, придерживая конверт, и толкнул тяжелую металлическую створку. Та открылась с глухим стуком, выпуская наружу теплый воздух и запах свежесваренного кофе.

Шаг внутрь был похож на переход через портал. Снаружи: грязь, дождь, эконом-класс реальности.

Внутри:

приглушенный золотистый свет, толстый ковер, поглощающий звуки, и тишина, которая стоит дороже любых колонок. VIP-зона для артистов и спонсоров. Барная стойка из черного мрамора, официанты в белых перчатках, разносящие шампанское в бокалах-тюльпанах.

Алина замерла на пороге. Её мозг архитектора мгновенно начал сканировать пространство, оценивая логику путей эвакуации и акустические панели на потолке. Но этот холодный анализ длился ровно секунду. Лия внутри взвизгнула от восторга и закружилась, пытаясь потрогать всё сразу — бархат канапе, хрусталь люстр, прохладный мрамор.

— Дыши, — тихо сказал Марк, положив широкую ладонь на поясницу Алины. Его рука сквозь тонкий шелк казалась раскаленной. — Они не кусаются. Просто смотри прямо и иди к лестнице.

Он подтолкнул её вперед. Алина сделала шаг, потом второй. Она физически ощущала взгляды системных администраторов, считывающих протокол передачи данных. «Кто эта женщина? Почему она в платье цвета сумерек?» Марк шел рядом, занимая собой всё пространство. Его присутствие работало как силовое поле.

Они поднялись по устланной красным ковром боковой лестнице. Здесь не было толп. Коридоры были узкими, интимными. На каждой тяжелой дубовой двери висела латунная табличка с номером ложи.

— Шестьдесят два, — пробормотал Марк, сверяясь с билетом. — Где-то тут... Ага. Их ложа оказалась второй от края. Марк приложил тяжелый ламинированный бейдж-билет к электронному замку. Раздался мелодичный писк, и дверь бесшумно отъехала в сторону, утопившись в стену.

Алина остановилась на пороге, и дыхание перехватило. Это была не просто комната. Это была архитектурная доминанта. Стена, выходящая в зал, полностью отсутствовала, замененная невидимым триплексом идеальной прозрачности. Звуковая проницаемость была стопроцентной, визуальная — создавала эффект парения над бездной. Пол в ложе был чуть приподнят, обит темно-бордовым бархатом. Перед ними стоял низкий столик из цельного среза дерева и два кресла, напоминающих троны.

Но главным был вид. Зал Филармонии лежал перед ними как на ладони — чаша, полная золота и старого дерева. До начала оставалось минут десять. Музыканты уже выходили на сцену, настраивая инструменты. Звук скрипичной струны, усиленный акустикой зала, поднялся снизу чистой, пронзительной нотой.

— Нравится? — голос Марка прозвучал прямо над ухом. Он стоял вплотную сзади, его грудь прижималась к её спине, а руки легли на поручни кресла по обе стороны от неё, заключая её в капкан. — Я специально просил крайнюю. Отсюда видно дирижера, но никто не видит тебя.

Алина не ответила. Она медленно опустилась в кресло. Дорогая обивка приняла форму тела, обволакивая. Впервые за сутки кто-то предложил ей сесть не на жесткий пластик допросной, а на трон.

Марк обошел её и сел в соседнее кресло. Оно стояло так близко, что их колени соприкоснулись. Он не стал прятать это касание. Напротив, он чуть повернулся, закинув ногу на ногу, и положил свою большую, горячую ладонь поверх кисти Алины, покоящейся на подлокотнике.

— Инструкция по применению VIP-ложи, — прошептал он, глядя не на сцену, а на её профиль. Свет падал так, что половина её лица была в тени, а вторая сияла, как фарфор. — Правило первое: мы не хлопаем, если не хотим. Мы богаче тех, кто внизу. Правило второе: если тебе станет скучно, ты можешь просто смотреть на меня. Это зрелище лучше этих скрипачей. Правило третье...

Он наклонился ниже. Губы коснулись мочки её уха. Поцелуи Марка всегда имели архитектуру фундамента — глубокие, основательные, не терпящие полумер.

Алина закрыла глаза. Внутри неё Шторм наконец сложила крылья и улеглась спать у подножия трона, удовлетворенно урча. Город спасен. Хозяйка в безопасности. Архитектура сошлась идеально.

Глава 3. Трещина в фарфоре

Концерт спас её. На один вечер математика уступила место акустике, а чертежи — скрипичным смычкам. Это тепло она несла в себе всю ночь, словно контрабанду. Память о том, как Марк взломал систему ради неё, сидела занозой под кожей. Он отдал боевой комбинезон и проект полива не просто за билеты — он купил ей право дышать. Она вошла в «Стеклянный куб» сегодня утром не сломленной девочкой, а женщиной, которая знает цену своего билета в ложу. Но знание цены делает удар Ильи только точнее.

Утро началось с запаха озона от дорогого очистителя воздуха в «Горизонте». Запах искусственного рая. Алина стояла у флипчарта в переговорной «Стеклянный куб».

Здесь каждый звук имел эхо, превращая шепот в обвинение, а каждый человек чувствовал себя рыбой в аквариуме. Именно здесь вчера родился её шедевр — «Северная Корона», которую Илья превратил в тюрьму строгого режима без окон.

На ней была черная водолазка из плотного кашемира — броня, призванная скрыть дрожь, которая всё ещё жила где-то глубоко под ребрами после вчерашнего ледяного душа от Ильи, и юбка-карандаш, не позволяющая сделать широкий шаг к выходу. Её пальцы сжимали маркер так, что костяшки побелели. Пальцы не просто тряслись мелкой дрожью переутомления — они пытались удержать физическую форму реальности, которую вот-вот попытаются стереть.

Она чувствовала себя канатоходцем над пропастью: одно неверное движение, один лишний вдох — и она либо упадет в ледяную воду утренней злости Горыныча, либо растворится в воспоминаниях об огненном облаке Марка, который сейчас грел её спину сквозь тонкий шелк платья только в памяти. Баланс был хрупким.

— ...таким образом, отказываясь от меди, мы экономим восемнадцать миллионов только на фасадных работах, — вещал Илья. Его голос обволакивал комнату. Он сидел во главе стола из белого дуба, лениво водя пальцем по экрану смартфона. По правую руку от него расположились представители застройщика — двое мужчин в одинаковых серых костюмах, пахнущих деньгами и безнаказанностью. Слева — начальник юридического отдела, женщина с лицом, похожим на смятую бумагу.

Внутренний мир реагирует первым. В Столице небо начало стремительно темнеть, хотя до удара оставалось несколько минут. Лия, стоявшая на площади, почувствовала изменение барометрического давления — предвестник катастрофы. Она посмотрела вверх и увидела, как сапфировый цвет ночи выцветает до мертвенно-белого. Метеоролог внутри неё знал: буря начнется с абсолютного штиля. Запасы тепла, принесенные Марком, начали таять.

Алина сделала шаг вперед. Сухой щелчок маркера о доску прозвучал как выстрел. Звук был слишком громким для этой комнаты, выдавая колоссальное внутреннее напряжение струны, готовой лопнуть.

— Я переработала концепцию несущих стен, — начала она ровным голосом. Слова звучали четко, профессионально. Никакой дрожи. Она держала лицо маской из первой главы. — Мы сохраняем панорамное остекление в пентхаусах за счет перераспределения нагрузки на центральный ствол жесткости. Визуально это создает эффект парящей плоскости... Узел примыкания здесь усилен титановой пластиной, скрытой в утеплителе. Инвестор видит эстетику, физика получает запас прочности.

— Эффект пустой траты денег, — перебил Илья. Он даже не поднял глаз от своего смартфона. Он листал ленту новостей, пока уничтожал три недели её жизни.

Внутри Алины что-то хрустнуло. Тихо, почти неслышно. Как лопается под пальцами яичная скорлупа. Во внешнем мире она продолжала стоять, но внутри рухнула звонница Ратуши. Сапфировое небо треснуло. Математика закончилась. Физика звука и света сменилась физикой удара тупым предметом по затылку. Шторм открыла глаза.

Во внешнем мире она продолжала стоять, держа маркер. Лицо оставалось маской вежливого внимания. Но горло внезапно пересохло настолько, что язык прилип к нёбу, распухнув. Маркер дрогнул, оставив на доске жирную, рваный след вместо прямой линии. Это было физическое воплощение спазма: внутренняя боль заблокировала микромышцы кисти. Чертеж сопротивлялся насилию.

Илья наконец соизволил посмотреть на нее. Его взгляд был взглядом исследователя, рассматривающего плесень под микроскопом.

— Детка, ты опять усложняешь. Посмотри на заказчика. — Он кивнул на серых мужчин. — У них глаза стекленеют от слова «ствол жесткости». Нарисуй им красивую картинку. Вот смотри. — Он встал, обошел стол и навис над Алиной. От него пахло тем самым одеколоном из первого утра и холодом кондиционера. Стерильность хищника.

Он взял из ее руки маркер. Их пальцы соприкоснулись. Рука Ильи была сухой и холодной, как чешуя змеи. Этот холод мгновенно заморозил остатки тепла Марка на коже Алины, превращая пот в корку льда.

— Смотри, — сказал он громко, обращаясь ко всем, но целясь словами прямо в солнечное сплетение Алины. — Видите этот изгиб? — Он быстро, небрежно чиркнул по чертежу, перечеркивая три недели её расчетов жирной черной линией. — Это называется «тяп-ляп для дилетантов». Просто. Дешево. Продаваемо. Алина у нас девочка умная, но слишком... чувствительная. Ей кажется, что архитектура — это искусство. Нет, солнышко. Архитектура — это когда бетон заливают вовремя, чтобы не платить неустойку. Верно, мужики?

Один из инвесторов хмыкнул. Юристка постучала ручкой по столу, бросив на Алину быстрый, сочувствующий взгляд, полный превосходства. Они видели перед собой сломанный инструмент.

Лия внутри закричала.

Это был крик абсолютного, животного ужаса. Купол радужного света над Столицей треснул. Сапфировое небо раскололось, и оттуда повалил снег. Но это были не мягкие хлопья. Это была ледяная крошка, острая, как битое стекло, впивающаяся в кожу.

Шторм начался мгновенно. Температура упала до минус тридцати. Дыхание жителей превратилось в облачка пара, которые замерзали на лету, осыпаясь серебряной пылью.

Нижний ярус столицы — старинные катакомбы и канализационные узлы, где жила беднота проекций — принял удар первым. Ледяной ветер, сорвавшийся с полюсов подсознания Алины, прошелся по узким улочкам. Флюгеры на крышах срезало начисто. Деревянные ставни рассыпались в труху.

Но самое страшное происходило с мостами. Хрустальные переправы, соединявшие Остров Надежды с материком, покрылись слоем черного льда толщиной в метр. Стекло не выдерживало напряжения. Раздался звук, который никто в реальном офисе не слышал — звон тысячи разбиваемых бокалов. Мосты рушились один за другим, обрушиваясь в черную, кипящую воду внутреннего моря. Огромные сверкающие осколки уходили на дно, поднимая фонтаны брызг, тут же превращающихся в пар.

Этот звуковой удар совпал с моментом, когда Илья вернул маркер. Внешняя Алина приняла холодный пластик, но её рука отказалась слушаться. Связь между мозгом и мышцами разорвалась под тяжестью ментального груза. Пальцы просто раскрылись.

— Поняла меня? — Илья вернул маркер Алине. Его лицо было близко. Слишком близко. Запах мяты и агрессии. — Сотри свою мазню и переделай по моему эскизу. Срок — обед. Иди. Работай.

Он оттолкнул ее плечом, возвращаясь на свое место. Акция доминирования завершена.

Внешняя Алина не пошевелилась. Маркер выскользнул из ее пальцев и упал на ковер с глухим стуком. Фарфоровая кукла дала глубокую трещину.

Она открыла рот, чтобы сказать: «Хорошо, Илья Сергеевич». Чтобы сохранить работу. Чтобы оплатить ипотеку матери. Чтобы купить Тимуру зимние ботинки. Чтобы выжить.

Но слова застряли в горле.

Психосоматика достигла пика. Горячий комок боли и унижения перекрыл трахею физически. Миндалины, реагируя на невыраженную агрессию, начали отекать, сужая просвет горла. Попытка подавить Шторм привела к буквальному удушью. Организм начал переваривать сам себя изнутри. Контраст был невыносимым. Вчера вечером Марк смотрел на неё так, будто она была произведением искусства, разглядывая игру теней на ключицах. Сегодня утром Илья размазывал её по стеклу, как дешевую гуашь, перечеркивая ту самую математику, которой она гордилась.

Алина судорожно сглотнула. Острая, режущая боль полоснула по гортани изнутри. Словно она проглотила кусок лезвия, оставленный вчера поцелуем Марка, но теперь отравленный трупным ядом Ильи.

Она захрипела. Негромко, прижав ладонь к шее. Кожа под пальцами горела огнем, хотя лицо Ильи покрывала легкая испарина от офисного тепла.

— Тебе плохо, Алин? — спросила юристка скучающим тоном. — Может, воды?

Алина покачала головой. Каждое движение кадыком отзывалось агонией. Она смотрела на жирные черные линии поверх своих чертежей. На то, как чужая рука уничтожила смысл её существования одним росчерком.

— Мне нужно... выйти, — выдавила она. Звук получился сиплым, вороньим карканьем. Горло предавало её, обнажая слабость перед хищниками.

Не дожидаясь ответа, она развернулась и пошла к двери. Ноги казались сделанными из папье-маше. Каждый шаг отдавался вибрацией в черепе. Она считала плитки на полу. Семь. Восемь. Держать спину ровно. Не дать ему увидеть, как ломается каркас.

Когда дверь закрылась за ее спиной, отсекая стерильный ад «Куба», Алина прислонилась к стене коридора. Колени подогнулись. Она сползла на пол, подтянув к груди колени, и зажмурилась.

В горле пульсировал огонь. Фарингит. Или ларингит. Миндалины распухли настолько, что стало трудно дышать носом. Физическое воплощение проглоченной злости. Она пыталась задохнуться внутри кинжала, и теперь рукоять торчит между ребер.

Где-то там, глубоко внизу, под слоями бетона, пластика и корпоративной этики, Шторм выла на развалинах Главной площади. Город замерзал заживо. Черный лед полз по стенам ратуши, заключая золотую кладку в прозрачную, мертвую могилу. Радужный шторм второго акта обернулся ядерной зимой третьего.

Лия сидела на ступенях разрушенного крыльца, обхватив себя руками. Зубы выбивали крошку. Холод пробирал до костей, которых у проекции не было.

— Он сломал их, — шептала Лия, глядя на обломки мостов, плывущие по внутреннему морю. — Хозяйка, если мы будем глотать это дальше, мы просто выплюнем свои легкие. Наши фильтры больше не справляются с токсичностью. Нам нужен катализатор. Огонь.

Алина достала из сумки бутылку воды. Пластик обжег заledenевшие пальцы. Она открыла крышку. Попыталась сделать глоток. Вода показалась вкусом бензина и металла. Горло сжалось в спазме, слезы сами собой брызнули из глаз — не от обиды, от физической невозможности протолкнуть жидкость внутрь. Организм отвергал попытку залить пожар бензином.

Она отбросила бутылку. Та покатила по ковровину, оставляя мокрый след.

Фарфоровая кукла дала глубокую трещину. И через эту щель наружу начал сочиться яд. Где-то глубоко в животе, рядом с диафрагмой, зародился низкий, утробный гул. Это просыпалась Шторм, недовольная тем, что её разбудили так рано, не дав насладиться пеплом вчерашнего вечера.

Глава 4. Цена комфорта

Начало: Вечер предательства

Голос вернулся к вечеру, но он стал чужим — глухим, надтреснутым шепотом человека, который десятилетиями курил в шахтах и дышал гарью. Алина вернулась на съемную мансарду Марка под крышей старого доходного дома. Она вошла внутрь, и дверь бесшумно закрылась за ней, отрезая шум улицы.

Марк стоял у окна. Никакого лофта с панорамными окнами, никакого запаха озона «Горизонта». Здесь пахло старым деревом, воском для паркета и тем самым трубочным табаком. В маленькой кухне кипел чайник, выпуская клубы пара, которые тут же оседали каплями на закопченных балках потолка.

— Выглядишь так, будто жевала гвозди, — сказал он вместо приветствия. Его голос обволакивал комнату. Он подошел, нависая, и его руки легли ей на плечи, разминая узлы.

Тепло начало медленно просачиваться сквозь плотный кашемир водолазки, но горло отозвалось тупой фантомной болью — эхом утреннего унижения от Ильи. — Кто тебя сегодня добивал? Горыныч или налоговая?

— Илья, — выдохнула Алина, позволяя ему вести себя в гостиную. Ноги не слушались. Каждое движение отдавалось вибрацией в позвоночнике. — Он заставил меня стереть «Северную Корону». Сказал, что я слишком чувствительная. Что архитектура — это бетон, а не слезы.

— Чувствительность — это инструмент, а не дефект, — фыркнул Марк, ставя воду на плиту. — Архитектор без чувствительности строит тюрьмы. Что будем пить? У меня есть отличный торфяной виски. Выжжет любую корпоративную слизь из легких.

— Я хочу уехать отсюда, — прошептала Алина, глядя в стену. — Забрать Тимура. Съехать.

— Куда? Сюда? — Марк усмехнулся, кивнув на низкие потолки мансарды. — Мы здесь друг друга поубиваем через неделю. Я нашел вариант, Аль. Настоящий рай. Пресня. Два этажа. Вид на реку. Закрытый двор. Рай. Наш рай.

Он взял ее руку. Пальцы были горячими, почти обжигающими после уличного холода.

— Для первоначального взноса мне нужно вывести свои накопления. Их хватит. Но ипотека... платежи будут зверскими. Нам придется затянуть пояса. И продать твою студию. Там хорошая локация, она уйдет быстро. Деньги перекроют первый год выплат.

Земля внутри Алины качнулась. Во внутреннем мире Главная площадь Столицы, выложенная идеально подогнанными гранитными плитами, пошла трещинами. Сначала тонкими, как волоски. Потом они начали расширяться, издавая звук рвущегося металла. Плиты взлетали в воздух, подбрасываемые невидимыми тектоническими силами, и падали обратно, раскалываясь на острые куски. Море внизу гудело, готовясь поглотить острова целиком.

— Марк... — прошептала Алина. Горло пересохло. — Там Тимур. Если я продам квартиру... ключи останутся у матери. Соцзащита уже предупреждала. Один звонок от нее, одна жалоба на условия проживания, и мальчика заберут в систему. Он только начал мне доверять. Только перестал просыпаться с криком по ночам.

Марк отпустил её руку. Он встал и отошел к окну, глядя на огни ночной Москвы. Его спина стала каменной стеной. Инженер отключил эмоции, переходя в режим холодного расчета.

— Алина. Твой брат — взрослый факт твоей биографии. Ему восемь. Не девяносто восемь. Мать лишают прав, ты — официальный опекун. Ты боишься бумажек больше, чем того, что этот ребенок вырастет в детском доме.

— Это не просто бумажки! — голос сорвался на сип. Боль в горле пульсировала в такт разрушающейся площади внутри. — Это суды. Это надзор. Это жизнь в постоянном страхе, что придут люди в форме...

— А сейчас твоя жизнь чья? — перебил он резко. Он развернулся. В полумраке комнаты белки его глаз казались неестественно яркими. — Ты приходишь ко мне выжатая досуха. Ты глотаешь оскорбления от этого жирного идиота ради какой-то фантомной стабильности. Ради чего, Алина? Чтобы платить за бетонную коробку, где живет женщина, которая чуть не угробила собственного сына?

Во внутреннем мире землетрясение достигло эпицентра. Гранитные плиты Главной площади вздыбились вертикально, встав дыбом, словно зубы гигантского чудовища. Ратуша накренилась. Хрустальный шпиль обломился и со звоном рухнул вниз, пробивая купол подземной библиотеки. Облака пыли поднялись до самых небес, закрыв последние остатки радуги вчерашнего концерта.

Лия стояла посреди руин, кашляя от известковой крошки. Она смотрела на трещины, змеящиеся у ног. Город разваливался на части. Море внизу гудело, готовясь поглотить острова целиком. Шторм внутри зарычала, пытаясь удержать распадающееся Ядро личности. «Скажи нет», — беззвучно кричала она, прижимая руки к груди. «Только не отдавай им брата!»

Внешняя Алина посмотрела на лицо Марка. На жесткую линию его рта. На то, как нетерпеливо дергается жилка на его шее. Она любила его. Любила до дрожи в коленях, до желания раствориться в его тепле навсегда. И эта любовь требовала жертвы. Самой страшной.

Цена билета в их общий рай составляла одну детскую судьбу. Фарфоровая кукла окончательно рассыпалась. Осколки впились в мясо.

— Хорошо, — сказала Алина. Слово далось ей труднее, чем подъем штанги. Горло горело так, словно она пыталась проглотить расплавленный свинец. — Студию выставим завтра. Риэлтор Ильи найдет покупателя. Деньги переведем на твой счет.

Тело Марка мгновенно расслабилось. Угроза исчезла, вернув ему благодущие победителя. Напряжение сменилось нежностью. Он улыбнулся той самой кривой ухмылкой, от которой вчера вспыхивали радуги, и провел костяшками пальцев по её щеке.

— Вот видишь? Разве сложно было? Я же говорил, что всё решаемо. Умница моя. Пойдем, ужин стынет. Я купил тебе тот самый чизкейк.

Он поцеловал ее. Мягко, собственнически, празднуя свою победу архитектора человеческих душ. Губы Марка были сладкими от вина. Алина ответила на поцелуй, чувствуя, как яд унижения смешивается со вкусом десерта.

Она предала брата.

Ради сохранения отношений. Ради права засыпать в теплых объятиях, а не прислушиваться к шагам в коридоре, боясь, что пришла мать Тимура.

Когда Марк увлек ее в спальню, стаскивая через голову ненавистное синее платье, Алина закрыла глаза. Внутри нее бушевала катастрофа. Главная площадь превратилась в каньон мертвых камней. Море вышло из берегов, заливая нижние уровни столицы черной водой. Жители метались в панике.

Но снаружи, прижавшись к самому горячему источнику света, который она когда-либо знала, Алина молчала. Она позволила себе быть слабой. Она выбрала анестезию. Шторм внутри перешла в стадию разрушительного тайфуна. Лия цеплялась за шпиль ратуши, который вот-вот должен был уйти под воду, и выла в черное небо, пока внешняя Алина тихо всхлипывала в плечо Марку, принимая утешение своего палача.

Утро: Эпицентр тишины

Алину разбудил не будильник, а холод и запах табачного дыма. Марк стоял у окна, завернувшись в простыню. Утренний свет резанул по глазам. Он выглядел помятым, земным, настоящим. От него пахло ночью и свободой.

— Просыпайся, принцесса, — хрипло сказал он. — Кофе воняет паленым, но другого нет.

Алина села. Простыни сбились. Во рту стоял вкус пепла и дешевого вина. Она попыталась пошевелиться, и тело ответило протестом: мышцы ныли так, словно вчера она разгружала вагоны с углем. Она посмотрела на Марка. Он докуривал самокрутку, стоя у окна в одних джинсах. Солнечный свет очерчивал рельеф его спины. **За его плечом, за тонким переплетом старой деревянной рамы открывался вид на ржавые крыши Замоскворечья.**

Прямо под ними нависал глухой брандмауэр соседнего дома, покрытый черными потеками сырости, а чуть левее, между трубами, кто-то прибил к кирпичной стене ярко-синий почтовый ящик из советского прошлого — нелепый, кричащий кусок эмали посреди благородной московской разрухи. И там, на самом кончике оцинкованной водосточной трубы, сидела жирная, взъерошенная ворона. Она методично долбила клювом жестяную банку из-под энергетика, прикрученную проволокой вместо скворечника. Глухой, монотонный металлический стук отдавался в ватной тишине мансарды похоронным набатом.

Он выглядел уверенным. Он решил проблему. Он спас их обоих от «болота».

— Студию надо будет освободить к концу недели, — сказал он буднично, стряхивая пепел в пустую банку. — Артем обещал закрыть сделку быстро. Как только деньги упадут, внесем взнос. Надо будет купить нормальную кровать, а то ты с этой кушетки свалишься.

И в этот момент связь замкнулась. Цепная реакция завершилась взрывом. Осознание обрушилось на неё физической тяжестью, выбивая остатки воздуха. Всё встало на свои места.

Причинно-следственная связь обнажила свой кровавый оскал:

Илья украл проект — Радуга умерла, пошел ядовитый дождь.

Сделка с братом ради денег на эту жизнь — Землетрясение, падение мостов, ядерная зима.

Вчерашний ультиматум Марка (Решение) — Полный коллапс системы.

Она променяла архитектуру спасения на клетку с золотыми прутьями. Она предала брата. Ради права засыпать в тепле. Ради того, чтобы не принимать решение об опеке, которое требовало судов, бумаг и борьбы. Она выбрала самый легкий путь — отдать ключи матери, сдать ребенка государству или в приют, лишь бы сохранить свой кусок тепла.

Шторм внутри перестала выть. Она замерла. Наступила абсолютная, космическая зима. Температура упала ниже абсолютного нуля. Всё замерзло. Включая надежду. Даже Лия, вечный двигатель радости, теперь стояла замороженной статуей, покрытой инеем.

— Эй, — Марк заметил остекленевший взгляд. Он наклонился, заглядывая в лицо. — Эй, ты чего? Опять голова кружится? Давай я тебе кофе сварю. Настоящего. Без этой офисной химии.

Он протянул руку, чтобы погладить её по щеке. Жест собственника. Жест человека, который купил вещь и проверяет, не повредили ли её при транспортировке.

Алина дернулась. Отшатнулась от его руки так резко, что едва не упала с дивана. Тепло Марка вдруг стало невыносимым. Ожогом. Напоминанием о сделке с дьяволом.

— Не трогай меня, — прошептала она. Голос наконец прорезался, но он был полон такого чистого, незамутненного отвращения, что Марк замер с занесенной рукой.

— Что? Аль, ты чего? Это же я. Мы вчера... мы решили проблему.

— Мы ничего не решили, — сказала она. Она встала. Ноги подкосились, но она удержала равновесие, схватившись за стену. — Ты решил. Ты сказал мне избавиться от квартиры. Ты назвал моего брата «фактом биографии».

— Аль, ну хватит драматизировать, — нахмурился Марк. Улыбка исчезла, возвращая раздражение. — Я понимаю, ты привязалась к пацану, гормоны, все дела. Но мы должны думать о нас. Взрослое решение...

— Мой брат — не багаж, — оборвала она. Её голос звучал низко, вибрирующе — тем самым голосом, которым она уничтожала карьеру Ильи час назад. — Заткнись. Марк моргнул. Уверенность слетела с него, обнажив растерянность. Он ожидал слез, истерики, манипуляций. К такому он не готовился.

— Аль, ты перегрелась...

— Заткнись, — отрезала она. Она прошла мимо него в коридор. Наклонилась и достала из-под вешалки сумку-мешок. Ту самую, с которой приехала.

— Куда ты? — спросил он вслед. В его голосе впервые послышался настоящий страх потери контроля.

— Подальше от твоего «рая», — ответила она, не оборачиваясь. Она начала методично собирать вещи. Джинсы. Две футболки. Зарядка. Документы. Она двигалась механически, как робот, запрограммированный на эвакуацию.

Марк стоял в дверях спальни, наблюдая. Он всё ещё пытался улыбаться, думая, что это игра. Игра в обидки.

— Ладно, обиделась. Понял. Остынь. Вечером поговорим. Чизкейк остался на столе. Алина остановилась. Посмотрела на него. Впервые за весь день в её глазах появилось что-то живое. Холодный блеск обсидиана.

— Оставь ключ на тумбочке, — сказала она. — Когда будешь уходить. Она вышла, тихо прикрыв за собой дверь. Щелчок замка прозвучал в притихшей студии как финальный аккорд симфонии.

Марк остался один. Запах её духов медленно таял в воздухе, оседая на ворсе ковра горьковатой пылью. Радужный шторм умер. Началась ядерная зима.

Он стоял посреди гостиной ещё минуту, сжимая в пальцах так и не прикуренную самокрутку. Пепел падал на голую доску пола бесшумными белыми хлопьями. Тишина мансарды давила на барабанные перепонки — плотная, свинцовая, состоящая из отсутствия чужого дыхания.

Ему нужно было вернуть контроль над пространством. Он шагнул к двери, чтобы запечатать замок на верхний ригель — старая привычка доходного дома, где сквозняки могли распахнуть дверь среди ночи. Марк опустил тяжелую латунную ручку вниз. Раздался мягкий, маслянистый щелчок механизма. Затем он повернул ключ. Замок лягнул сухо, по-механистичному равнодушно.

Но этот звук пришел с опозданием. На долю секунды позже, чем должен был.

Марк замер, держа ключ в скважине. Деревянное полотно чуть заметно вибрировало от удара дерева о косяк — того самого финального толчка, когда Алина уже стояла на лестничной клетке, но еще не отпустила створку. Воздушная подушка между дверью и рамой поглотила часть инерции, оставив после себя лишь это эхо.

Он понял всё именно в эту секунду. Не когда она сказала «Заткнись». И не когда схватила сумку. В тот момент это все еще была пьеса. Хороший секс примиряет и не таких; чизкейк на столе всегда работал как кнопка перезагрузки системы. Это была просто сцена обиды, которую нужно было переждать.

Щелчок замка убил надежду. Звук был абсолютно глухим. В нем не было металлического дребезжания поспешного бегства или истерики. В нем была геометрия. Архитектура эвакуации. Она закрыла за собой дверь ровно с тем выверенным усилием, которым закрывают крышку гроба или герметичный люк подводной лодки. Без шансов на возврат давления.

Ключ торчал в замке изнутри. По ту сторону. Беспольный кусок латуни. Чтобы попасть внутрь своей же квартиры, ему теперь придется либо звонить (умолять), либо вызывать слесаря (признавать поражение официально).

Марк разжал пальцы. Латунная ручка медленно, с тихим пружинящим скрипом, вернулась в горизонтальное положение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.